

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ
(1985—1995)**

STUDIA PHILOLOGICA

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

Институт русского языка
Российской академии наук

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ
(1985 — 1995)**

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1996

ББК 81.2Р
Р 89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16114*

Коллективная монография

Авторы: В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова,
Е. А. Земская, Н. Е. Ильина, М. В. Китайгородская, Е. В. Какорина,
Л. П. Крысин, Н. Н. Розанова

Ответственный редактор:
доктор филологических наук Е. А. Земская

Рецензенты
доктор филологических наук Т. М. Николаева
кандидат филологических наук Н. А. Николина

Р 89 Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: «Языки
русской культуры», 1996. – 480 с.
ISBN 5-7859-0001-7

Написанная коллективом ведущих специалистов в области русистики, книга посвящена изучению активных процессов, происходящих в русском языке на рубеже 80—90-х годов XX столетия.

Первая часть исследования охватывает семантические изменения в лексике и лексической сочетаемости, в грамматике и словообразовании, в области ударения.

Во второй части описываются современные тенденции и характерные явления в устной и письменной коммуникации: анализируются типичные городские коммуникативные ситуации — митинги, диалоги на улице, в магазине, на транспорте и др., — стилистические особенности прессы, публичных выступлений.

Книга рассчитана на специалистов в области современного русского языка, преподавателей языковедческих дисциплин в вузах, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также на всех, кто интересуется развитием и состоянием нашего языка.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0001-7

© Авторы, 1996

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Е. А. Земская

Исходные положения исследования	9
Мы не нормализаторы	14
Новояз, new speak, powotowa... Что дальше?	19
Задачи работы	25
Примечания	27
Литература	29

Ч А С Т Ь I

ГЛАВА I

О. П. Ермакова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ

Деактуализация значений, отражающих советские реалии	33
Деидеологизация лексики	36
Политизация некоторых групп лексики	39
Деполитизация некоторых политических терминов	42
Активизация одной семантической модели, выражающей оценку личности как общественного явления	43
Метафоризация как средство выражения оценки общественно-политической ситуации	45
Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой	60
Примечания	63
Литература	65

ГЛАВА II

Е. В. Какорина

ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

И СОЧЕТАЕМОСТИ (на материале языка газет)

Особенности употребления лексики пассивного фонда языка	67
Использование историзмов и архаизмов	67
Использование высокой книжной лексики	70
Использование конфессиональной лексики	71
Особенности употребления жаргонной лексики	79
Деспециализация терминов	84
Примечания	87
Литература	88

ГЛАВА III

Е. А. Земская

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА ..

Ключевые слова как базовые основы словопроизводства	92
Имена лиц собственные — базовые основы словопроизводства	99
Производство нарицательных имен лиц	103
Активность наименований процессов (существительные с суфф. -изаций-) ..	107
Рост именной префиксации	110
Наименования предметов	118

Аббревиация как средство экспрессии	120
Суффиксальное производство имен прилагательных	124
Производство глаголов	126
Окказионализмы. Игры со словом	128
Выводы	138
Примечания	139
Литература	140

ГЛАВА IV

Л. П. Крысин

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО

В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ	142
Условия активизации употребления иноязычной лексики	142
Причины иноязычного заимствования	146
Особенности функционирования иноязычной лексики в современной русской речи	155
Примечания	159
Литература	161

ГЛАВА V

М. В. Китайгородская

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

(Состав. Устройство. Функционирование)	162
Социальные факторы языковых изменений в сфере современной экономической терминологии	162
Современная экономическая терминология. Состав. Источники формирования	167
Способы номинации, актуальные в сфере экономической терминологии	176
Системная организация экономической лексики	201
Сферы функционирования экономической лексики	213
Примечания	232
Литература	235

ГЛАВА VI

М. Я. Гловинская

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГРАММАТИКЕ

(на материале инноваций и массовых языковых ошибок)	237
Вводные замечания	237
Тенденция к ослаблению падежных функций	239
Замена падежного управления предложным	240
Семантическая дифференцированность, достигаемая с помощью предлога	243
Обобщение функции предлога, нивелировка его лексического значения	247
Замена косвенного падежа существительного сочетанием <i>как</i> + им. пад.	262
Замена косвенного падежа существительного конструкцией с зависимым инфинитивом	264
Неправильный выбор падежа	267
Именительный вместо косвенного	267
Родительный — предложный	267
Творительный вместо сочетаний <i>в качестве</i> + род. и <i>как</i> + вин.	272
Неправильный выбор флексии	273
Нарушения в согласовании	273
Расшатывание синтаксических правил, семантически не мотивированных . .	275

Правило кореферентности субъекта-подлежащего и субъекта синтаксического оборота	276
Запретные деепричастные обороты	277
Запретные инфинитивные обороты	289
Запретные субъектные наречные и предложно-именные обстоятельственные обороты	290
Запретный союзный присоединительный оборот	291
Правила выбора возвратных и личных притяжательных местоимений	292
Запретное <i>свой</i> вместо личного притяжательного местоимения	293
Запретное <i>свой</i> вместо нуля	297
Запретные личные притяжательные местоимения вместо <i>свой</i>	298
Возвратное местоимение <i>себя</i>	298
Заключительные замечания	300
Примечания	301
Литература	302

ГЛАВА VII

В. Л. Воронцова

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ УДАРЕНИЯ	305
Вводные замечания	305
Тенденции изменения глагольного ударения	308
Тенденции изменения именного ударения (ударение в словоформах имен существительных)	313
Процессы, связанные с активизацией употребления слов	316
Процессы, связанные с освоением заимствований	319
Примечания	324
Литература	324

ГЛАВА VIII

Н. Е. Ильина

РОСТ АНАЛИТИЗМА В МОРФОЛОГИИ	326
Вводные замечания	326
Изменения в функционировании имен	327
Употребление существительных на <i>-ин(о)</i> , <i>-ов(о)</i>	330
Употребление словоформ <i>саму</i> — <i>самое</i>	334
Функционирование глаголов	336
Глаголы I непродуктивного класса	336
Глаголы вторичной имперфективации с суффиксом <i>-ива-</i>	339
Примечания	343
Литература	343

ЧАСТЬ II

ГЛАВА IX

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова

СОВРЕМЕННАЯ ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ:

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (на материале языка Москвы)	345
Приметы времени в современной городской топонимике	345
Персонификация как мотив городских номинаций	347
Устная реклама, зазывы, объявления	348
Стереотипы, микродиалоги	349
Многожанровые сферы городской коммуникации	356
Приложение. Тексты	359

Примечания	381
Литература	383

ГЛАВА X

Л. П. Крысин

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ 384

Предварительные замечания	384
Определение понятия "эвфемизм"	387
Темы и сферы эвфемизации	389
Эвфемизмы в социальных сферах деятельности человека	391
Цели эвфемизации речи	391
Сферы социальной жизни, в которых используются эвфемизмы	398
Языковые способы и средства эвфемизации	400
Социальные различия между говорящими в создании и использовании эвфемизмов	403
Эвфемизмы в тексте	405
Примечания	406
Литература	408

ГЛАВА XI

Е. В. Какорина

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ОБЛИК ОППОЗИЦИОННОЙ ПРЕССЫ 409

Коммуникативно-речевые особенности текстов	412
Семантико-стилистические особенности текстов оппозиционной прессы	417
Именование и переименование	417
Ключевые слова	418
Особенности процесса переименования и состав ключевых терминов	420
Особенности процесса референции	420
Актуализаторы значения	420
Состав словаря	421
Примечания	425
Литература	425

ГЛАВА XII

Е. И. Голанова

УСТНЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ: ЖАНР ИНТЕРВЬЮ 427

Вводные замечания	427
Структурно-композиционная характеристика современного публичного диалога	429
Коммуникативные типы интервью	431
Публичный диалог и "кодекс взаимоотношений" коммуникантов	436
Проблема нормы и современная публичная речь	437
Лингвостилистические особенности жанра современного интервью	440
Приложение	442
Примечания	449
Литература	451
Принятые сокращения	453
Словоуказатель	455
Contents	474
Summary	478

ВВЕДЕНИЕ

Е. А. Земская

Исходные положения исследования

1. Эта книга продолжает традиции социалингвистического изучения русского языка, осуществленного большим коллективом авторов под руководством М. В. Панова в 4-томном исследовании «Русский язык и советское общество» [М., «Наука», 1968; далее: РЯСО].

Основной теоретический постулат РЯСО был сформулирован так: «В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе — того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они — постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту» [РЯСО, 1, 24]. В этом исследовании выделено пять антиномий: антиномия говорящего и слушающего; антиномия узуса и возможностей языковой системы; антиномия кода и текста; антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной [РЯСО, 1, 24—34].

В качестве основных внешних, социальных факторов развития языка в названной монографии были выделены такие: «изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные перемещения народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и т. д., и т. п.» [РЯСО, 1, 34—35].

РЯСО было построено как исследование отдельных уровней языка: лексика; словообразование; морфология; синтаксис; фонетика. Такое поуровневое описание, отличаясь полнотой и фундаментальностью, оставляло за пределами исследования изменения в условиях функционирования языка, изменения коммуникативно-прагматического характера. Между тем период перестройки, распад СССР, крушение тоталитарной системы внесли большие изменения как раз в условия функционирования языка. Поэтому, исследуя язык 90-х годов, мы могли использовать РЯСО прежде всего как исходную точку, видя в ней базу

данных, характеризующих предшествующий этап развития языка, т. е. материал для сравнения. Мы не могли ограничиться рассмотрением изменений, характерных для различных уровней языка. Поуровневое описание было необходимо дополнить анализом коммуникативно-прагматического характера, который, естественно, связан с изучением иной проблематики и иных объектов.

2. Сказанное определило выбор изучаемого материала. Это — язык периодической печати (прежде всего — газет); устная публичная речь — радио, телевидение, митинги, собрания; живая повседневная речь — литературная разговорная и городское просторечие (неофициальные разговоры дома и на работе, на улице, в магазине, на рынке, в городском транспорте и т. д.).

Мы не ставили перед собой задачу изучения языка художественной литературы, научного и официально-делового стилей. Самую значительную часть наших материалов составляет язык средств массовой информации, ибо в нем наиболее отчетливо и быстро отражаются изменения, происходящие в наше время во всех сферах языка. Средства массовой информации высоко популярны, они оказывают влияние на повседневную речь и отражают ее особенности.

В конце 80-х — начале 90-х годов газеты читали больше, чем любые другие виды письменности. Телевидение смотрел и слушал весь народ. Данные опроса ВЦИОМ, проведенного в конце 1993 г., позволяют оценить уровень влияния различных средств массовой информации на аудиторию страны. «Доминирующую позицию занимает ТВ. 82% респондентов заявили, что именно телевидение является для них основным источником информации о событиях в стране. На втором месте радио (24%), на третьем — газеты (17%)» (Сег., 1994, № 19). Телевидение покоряет людей не только наличием зрительного и слухового ряда; оно покоряет и показом новостей, и показом старого, оживляющего иллюзии о «прекрасной советской жизни», и показом вневременных «мыльных опер», привлекающих изображением общечеловеческих радостей и печалей.

В статье «Сказки о потерянном времени» Ю. Богомолов так раскрывает феномен популярности старых советских фильмов и современных «мыльных опер»: «Объединяет “оперы” не художественное качество, а функция. Объединяет ориентированность на надысторического асоциального человека, каковым и был в сущности советский человек, каким в массе пока и остался.

Утопические миры Марианны или Изауры (сериалы “Богатые тоже плачут” и “Рабыня Изаура”), где все люди, кроме злодеев, братья, сродни коммунистическим утопиям и социалистическим реалиям.

Телевизор — самая замечательная машина времени из тех, что нам известны. Она подвижна и стремительна. Легко преодолевает границу между условным и безусловным» (Изв., 18.03.94).

Именно эти качества телевизора объясняют его влияние. Телесериал «Рабыня Изаура» ввел в лексикон нашего современника экзотическое словечко *фазенда* ('дача', 'загородный дом').

В часы демонстрации телесериала «Богатые тоже плачут» жизнь замирала, люди бросали все дела. Имя героини фильма Марианна получили многие новорожденные.

В 1993—1994 гг. появились «*простомарийцы*» и «*сантабарбарцы*» (зрители сериалов «Просто Мария» и «Санта-Барбара»). «Известия» пишут: «В тот момент, когда у просто Марии отшибло память, на телеэкране со своими воспоминаниями появилась Валентина Леонтьева <...> Авторы программы скромно назвали свое детище “Просто... тетя Валя”». (Изв. 18.03.94).

В начале 90-х годов резко возросла популярность телерекламы. Хлесткие, иногда остроумные и афористичные, но чаще вульгарные, а порой безграмотные тексты, дополняемые популистскими зрительными образами, одних раздражают, а другим нравятся. Рекламные тексты и имена персонажей входят в речь наших современников, в язык газет¹ (напр., выражение *сладкая парочка* — из рекламы танцующих шоколадных батончиков). Н. Иванова назвала свою статью «*Сладкая парочка*» (Знамя, 1994, № 5), чем вызвала отповедь критика ЛГ за дурной вкус и приторную сладость (03.08.94).

Выражение *сладкая парочка* полюбилось журналистам. Его употребляют и по отношению к любовным парам, и по отношению к сладостям иного рода. Так, «АиФ» пишет: «Если судить по вниманию прессы, то “*Сладкая парочка*” Сташевский — Ветлицкая ни в чем не уступает другой звездной паре — Пугачевой и Киркорову» (1994, № 35). А газета «Сегодня» под заголовком «“*Сладкая парочка*” — Россия и Турция» помещает статью о сотрудничестве этих стран в производстве сахара (17.08.94.).

3. Какие же особенности характеризуют функционирование современного русского языка?

Многие явления, характерные для функционирования русского языка нашего времени, первым (насколько это нам известно) отметил еще в начале эпохи перестройки — в декабре 1985 г. — М. В. Панов [см.: Панов 1988]. Хотя он и писал о языке периодики, выявленные им тенденции характерны для разных сфер языка.

Назову основные явления, отмеченные М. В. Пановым: диалогичность; усиление личностного начала; стилистический динамизм; явле-

ния «переименования» (в широком смысле); сочетание резко контрастных стилистических элементов не только в пределах текста, но и в пределах словосочетания (словосочетания строятся как семантические и стилистические контрасты, что «сдвигает, изменяет значение слова. Оно становится метафорическим, метонимическим, сужает или расширяет свое значение») [Панов 1988, 23].

Знаменателен общий вывод, к которому приходит автор, сравнивая предшествующие десятилетия с новым временем: «В 30—60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [Панов 1988, 27].

Опираясь на суждения М. В. Панова, дополним данную им характеристику языка нашего времени указанием на некоторые иные явления и тенденции.

— События второй половины 80-х — начала 90-х годов по своему воздействию на общество и язык подобны революции.

— Резко расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих в газеты и журналы.

— Резко ослабляется, даже можно сказать рушится, цензура и автоцензура. Люди начинают говорить и писать свободно, причем не только дома, на улице, в очереди, но и по радио, телевидению, на собраниях и митингах, в газетах и журналах.

— Возрастает личностное начало в речи. Безликая и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Возрастает диалогичность общения, как устного, так и письменного. Это видно особенно отчетливо на примере жанра интервью. Если раньше интервьюер был безликим человеком, роль которого сводилась к задаванию более или менее стандартных вопросов (*Каковы у вас удои молока? Сколько собрали центнеров пшеницы с одного гектара?* и т. п.), то теперь в интервью участвуют два равноправных собеседника. Интервьюер может не соглашаться со своим гостем, спорить с ним, задавать ему «колкие» вопросы. Это — беседа «на равных». Вот как рядовой журналист беседует с видным политическим деятелем Е. Гайдаром (Экстра М, 11.04.94). Приведу для примера два вопроса и два ответа:

И. Вы отдаете жене все, что зарабатываете? *Г.* Да. *И.* Собственностью за рубежом располагаете? *Г.* Вы знаете, мы с Машей (женой) все пытаемся найти ту виллу, за которую мы якобы продали родину.

Согласитесь, что такого рода вопросы ранее было не принято задавать государственным деятелям. Об особенностях современного жанра интервью см. особую главу в этой книге.

— Расширяется сфера с п о н т а н н о г о общения не только личного, но и устного публичного. Люди уже не произносят и не читают заранее написанные речи. Они говорят. Заговорили главы государства (первым говорящим, а не читающим главой страны был М. С. Горбачев [см. Капанадзе 1992]), заговорили депутаты ВС СССР, а потом и депутаты ВС России, депутаты Государственной Думы.

— Меняются важные параметры протекания устных форм массовой коммуникации: создается возможность непосредственного обращения говорящего к слушающим и обратной связи слушающих с говорящими.

— Меняются ситуации и жанры общения и в области публичной, и в области личной коммуникации. Жесткие рамки официального публичного общения ослабляются. Рождается много новых жанров устной публичной речи в сфере массовой коммуникации (разнообразные беседы, дискуссии, круглые столы, появляются новые виды интервью и т. п.). Сухой официальный диктор радио и ТВ сменился ведущим, который размышляет, шутит, высказывает свое мнение.

Сказанное приводит к изменению основных признаков устной публичной коммуникации. На смену официального подготовленного, лишённого непосредственности общения, приходит общение неподготовленное, характеризующееся признаком публичность, но официальность которого ослаблена. Следовательно, резкая граница, которая проходила между неофициальным личным общением и общением официальным публичным, и о которой мы писали в серии книг [РРР—73, РРР—81 и др.], размывается. В публичном общении (речь радио, ТВ, митингов, собраний) возрастает степень неподготовленности и ослабляется официальность. Нельзя сказать, что такое общение ведется теперь на разговорном языке, но число разговорных, жаргонных, просторечных и иных сниженных элементов в нем резко увеличивается.

— Появляется много нового и в сфере личного общения между незнакомыми людьми (см. в этой книге раздел М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой). Меняются отношения между говорящими субъектами. Наблюдаются две противонаправленные тенденции: появление чувства открытости друг к другу, чувства «общей судьбы», порождающее товарищескую солидарность / усиление отношений враждебности, агрессивности, конкуренции.

— Резко возрастает психологическое неприятие бюрократического языка прошлого (новояза).

— Появляется стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращений к незнакомым.

— Наряду с рождением наименований новых явлений, отмечается возрождение наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещенных или отвергнутых в эпоху тоталитаризма.

Перечисленные выше социо- и психолингвистические факторы оказывают значительное влияние на особенности языка современной эпохи, на речевое поведение нашего современника. Раскованность, раскрепощенность говорящего действует на все механизмы языка — на словоупотребление и словообразование, на синтаксис, интонационное и фонетическое построение речи. Неузвальное словообразование, сниженная лексика широко используются не только в неофициальном общении и художественной речи, они получают небывалый доступ в периодическую печать, в устную публичную речь. Активизируются механизмы свободного построения дискурса. Меняется синтаксическое построение речи, особенно резко в сфере управления и некоторых видов согласования. Неподготовленность публичной речи ведет нередко к расшатыванию старых норм, способствует проявлению тенденций развития, заложенных в системе языка (см. в этой книге главы VI и VIII).

Меняется интонация устной публичной речи. Напомню для примера такую телепередачу, как «Автомиг», в которой ведущая надевает маску неофициальности, даже интимности (*«Здравствуйте, я Лена Шмелева»*). Специфическим образом интонационно оформляется теле-, радио- и метрореклама. Возрождаются существовавшие в прошлом зазывы уличных торговцев [см. Китайгородская, Розанова 1994]. Таковы лишь некоторые из происходящих изменений.

Мы не нормализаторы

Состояние современной русской речи, изменения, происходящие в языке, обращают на себя внимание и «обычных» говорящих, и лиц, связанных с языком профессионально: журналистов, литераторов, лингвистов. В периодической печати, в научной литературе появляются статьи, авторы которых по-разному оценивают грубые ошибки в речи наших современников, саркастически называют современное состояние языка «праздником вербальной свободы» (см. И. Волгин. Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания. ЛГ, 25.08.93). Другие более спокойно оценивают современный язык и призывают внимательно разобраться в том, что в нем нового, что необычного. Вл. Новиков предлагает создать особую науку «русофонию» (по образцу *франкофо-*

нии): «Русофония — веселая наука..., не претендующая на нормативность и императивность. Она ничего не диктует, а только размышляет, почему мы так говорим и пишем, так думаем и живем» (Вл. Новиков. Ошибка века. Листая словари. Сег., 04.06.93.).

Естественно, что пишут о современном языке и лингвисты. Так, Ю. Н. Караулов в статье «Великий... могучий... многострадальный...» размышляет о состоянии современного русского языка, о том, есть ли основания говорить, что русский язык гибнет [Караулов 1989, 14—15]. Он справедливо полагает, что русскому языку, имеющему многовековую историю, обладающему необозримыми ресурсами в пространстве и времени, никакая «гибель» угрожать не может. Обеспокоенность общественности имеет «три источника — средства массовой информации, язык художественной литературы, наша публичная речь» (там же). Для нашей темы особенно важен третий из этих источников, потому что период перестройки и гласности резко сменил состав лиц, говорящих публично, и сам характер публичной коммуникации (см. об этом ниже). Ю. Н. Караулов пишет: «До эпохи гласности мы в основном вели тихие диалоги, а речи с трибун звучали ритуально, как *громкая читка письменного текста* [курсив мой — Е. З.]. Язык таких речей получил у зарубежных русистов даже свое название *langue de bois* — «деревянный» или «дубовый язык» (там же, с. 15). И далее ученый так характеризует происшедшие изменения: «Как говорят, например, наши депутаты, которых слушает вся страна и русскоязычная заграница? В основной своей массе, на фоне того, что приходилось слышать 10 и 20 лет назад, говорят они неплохо. Но берусь утверждать, что все же «без ошибки» ни одних депутатских «уст» на съезде не найдешь. Где-нибудь обязательно проскочит или неверное ударение, или просторечная форма, или неуклюжее сочетание. Должен сразу сказать, что в спонтанной, неподготовленной речи это неизбежно и, более того, опытный оратор может сознательно допустить шероховатость или сделать оговорку, но все же число речевых ошибок не должно переходить в качество и влиять на восприятие содержания речи и оценку личности говорящего» [Караулов 1989, 15].

Близкую проблематику рассматривает через три года Л. А. Капанадзе [Капанадзе 1992]. Указывая на некоторые ошибки в устной речи М. С. Горбачева, она обращает прежде всего внимание на то, что он говорит публично, свободно излагает свои мысли, а не читает по бумажке. И это не может не быть оценено как явление положительное.

Я думаю, что размышления Ю. Н. Караулова и Л. А. Капанадзе справедливы. Естественно, что при чтении (или произнесении) готового,

заранее написанного текста ошибок в публичных выступлениях может совсем не быть или быть мало. В живой спонтанной произносимой речи редкий человек (даже если он опытный оратор) не допускает оговорок, самоперебивов, перестроек синтаксических конструкций. А в нашей стране в эпоху гласности публично заговорили многие люди, не имеющие опыта ораторского искусства. И, конечно, в их речи много шероховатостей и даже ошибок — нарушений норм литературного языка. Однако это не гибель русского языка, а недостаток языкового воспитания. И тревога за состояние русского языка объясняется не тем, что в эпоху посттоталитаризма люди стали говорить «хуже», чем раньше, а тем, что раздвинулись рамки публичной речи и мы услышали, как реально говорит «обычный» человек, не имеющий навыков публичной речи. Многие из прежних ораторов стали делать ошибки, потому что из «человека читающего» они превратились в «человека говорящего». См., напр., статью Ю. Богомолова «Разговорчики в прямом эфире» (ИЗВ., 16.09.94).

Сатирически изображает выступление «человека читающего» известная песня-стихотворение А. Галича, в которой мужчина-рабочий, читая данный ему написанный заранее текст, произносит с трибуны *«как мать говорю, как женщина»*, но никто даже не замечает нелепой ошибки. Сейчас — в свободных дискуссиях, на митингах, собраниях чтение по бумажке стало невозможно.

Заботы о судьбах русского языка, сетования по поводу тех изменений, которые в нем наблюдаются, высказываются очень многими. Этой теме посвящаются теле- и радиопередачи, статьи в газетах и журналах. Не раз звучало мнение о том, сколь велика роль русского языка в спасении русского общества, русской культуры и искусства (для примера назову интервью с Ю. Паничем — см. «Сегодня», 02.07.94).

В 1991 г. появилась книга, содержащая доклад Ю. Н. Караулова «О состоянии русского языка современности» и материалы организованной автором почтовой дискуссии, в которой приняло участие 18 ученых [см. Караулов 1991]. Представленные в этой книге мнения интересны для нас и очень показательны. Их рассмотрение позволяет сделать такой вывод: говорить о гибели, смерти, порче и т. п. русского языка нет оснований. Те, кто так говорит, не учитывают различие между языком и языковой способностью. Это мнение высказывают многие лингвисты, наиболее развернуто В. Г. Гак: «Чтобы оценить состояние русского языка, может быть, является целесообразным различать два аспекта, плохо дифференцирующиеся в русской лингвистической терминологии: структура языка (*langue*) и умение пользоваться им,

языковая способность (langage). Что касается структуры языка, то тут русскому языку ничто не угрожает. <...> Отмечается некоторое расшатывание нормы. Но это свойственно всем современным языкам, тем более “большим” языкам, на которых говорит все более этнически пестрое население, к тому же, в силу известной демократизации жизни, отношение к нарушениям нормы также изменилось. Французские лингвисты говорят даже о “плюриноморме”, а ведь французский язык всегда был одним из самых «нормализованных» языков Европы» [Караулов 1991, 39—40].

Таким образом, оценивая состояние языка, необходимо разграничивать три феномена: 1) система языка, 2) языковая способность (умение говорить; Ю. Н. Караулов употребляет термин «ассоциативно-вербальная сеть»), 3) тексты на данном языке.

О. Б. Сиротинина пишет: «По-моему, ни об упадке, ни об оскудении, обеднении, тем более вырождении его [русского языка] говорить нельзя. Вмешательство, и очень серьезное, необходимо в речевую культуру общества (специальные курсы для депутатов, штрафы для ошибающихся работников радио и телевидения, квалификационные собеседования для учителей и т. д.)» [Караулов 1991, 53].

Л. П. Крысин, размышляя о связи между состоянием языка и культуры, приходит к такому выводу: «Мне кажется, главное — плохая “языковая компетенция” большинства наших русских современников. <...> Прежде всего иной должна стать повседневная устная речь тех, кто обучает, — учителей, преподавателей (не такой серой, не такой шаблонной), а этого не достичь не только без коренной перестройки вузовского преподавания, но и без глубоких изменений в духовной культурной жизни общества в целом и отдельного человека» [Караулов 1991, 51].

Соглашаясь с мнениями О. Б. Сиротининой и Л. П. Крысина, приведу еще одно высказывание В. Г. Гака по поводу сравнения языка с шахматами: «...несомненно, многие носители языка имеют суженное представление о возможностях игры. Совершается много ошибок в игре. Французский лингвист А. Рей сказал по этому поводу: «Вообразим, что раньше в данную игру играл 1% населения, а теперь — 40%. Можно ли сказать, что игра переживает кризис, если теперь средний игрок играет хуже, чем те, кто входил в первоначальное небольшое количество?» Мне кажется, что это рассуждение применимо к использованию речи в публичных ее функциях, к письменной речи» [Караулов 1991, 40—41].

Закончим этот раздел высказыванием Е. Н. Ширяева, который так оценивает состояние современного русского языка: «Я думаю, что

никакого упадка, оскудения и вырождения русского языка не происходит. Происходит другое: *падает или выявляется уже падшая культура владения языком* [выделено мной. — Е. З.]. Наряду с чрезвычайно недоброкачественными текстами во всех функциональных разновидностях, и в письменной, и в устной реализации, существуют и множатся, особенно в публицистике, образцовые тексты. Именно в наше время много ярче и оригинальней проявляет себя индивидуальность языковой личности, что для языка — первостепенно» [Караулов 1991, 64].

Суммируя все приведенные выше мнения, можно сделать такой вывод: та «порча» языка, о которой так много пишут, затрагивает не систему языка, а языковую способность (умение говорить) и, следовательно, порождает тексты. Новые условия функционирования языка, появление большого числа неподготовленных устных и письменных публичных выступлений способствуют общему впечатлению о росте количества ошибок, неверных словоупотреблений и т. п.

Современный русский язык живет интенсивно, все механизмы его действуют сверхактивно. Понять и изучить процессы, идущие в современном языке, важная задача. Мы не ставим перед собой нормализаторских задач. Этим целям посвящены другие работы [см., например, такие книги, как: Культура парламентской речи 1994]. Наша цель — охарактеризовать современное состояние русского языка, увидеть то новое, что отличает этот этап его развития, попытаться установить связи между внутренними закономерностями развития языка и теми импульсами, которые идут от реальной жизни, от современного периода существования общества.

Очевидно, что разные факты, отмечаемые в современной речи, по-разному соотносятся с понятием «норма литературного языка». Так, производные слова, не зафиксированные словарями и грамматиками, часто могут оцениваться как средство выразительности. Например, И. Волгин в названной выше статье, защищающей пуристическое отношение к языку, выступая против ошибок, создает слово «*быдловизация*» (помещая его в кавычки). Тем самым он признает право пишущего на словотворчество. Как особенно грубые нарушения воспринимаются явления ударения и управления, не соответствующие нормам литературного языка. Однако и в них можно увидеть некие важные закономерности, ростки нового.

Часть I

ГЛАВА I

О. П. Ермакова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ

Бурно происходящие социально-политические процессы последних лет обусловили изменения в разных сферах русского литературного языка. Язык переживает почти революционные потрясения, которые, естественно, больше всего затронули лексику. Новые формы общественных отношений нашли отражение в словообразовательных неологизмах, в освоении большого количества заимствованных слов, в стилистическом транспонировании, в процессах деархаизации, в разнообразных семантических изменениях разных групп лексики русского языка. Материалом нашего исследования была преимущественно публицистика. Используются данные нескольких многотиражных газет и журналов. Лишь в отдельных случаях привлекались записи разговорной речи (и просторечия), если в этих сферах языка наблюдаются отмеченные на материале публицистики тенденции.

Разумеется, особенности русского языка 90-х годов не могут быть отождествлены с особенностями языка публицистики, но именно в этой сфере наиболее ярко проявляются семантические процессы, обусловленные процессами общественно-политическими. Не случайно многие современные исследователи, обратившиеся к разноаспектному изучению языка перестройки [Weiss 1986, Rathmayr 1991, Скляревская 1991, Ferm 1993, Moskvich 1993, Ермакова 1993, Jordanova 1993], анализируют в первую очередь (или исключительно) газетный материал. Заметим, что все изменения в семантике слов, связанные с идеологической переориентацией, касаются употребления разных групп лексики в официальной печати. Хорошо известно, что и до перестройки в России всегда существовала антикоммунистическая идеология, которая находила отражение в языке «самиздата», в зарубежных публикациях наших диссидентов, в «кухонных» разговорах интеллигенции, в языке советской тюрьмы. В этом втором, неофициальном языке советской страны слова употреблялись в их истинном значении без идеологических смысловых приращений.

Но антикоммунистическая идеология в настоящее время, обретая официальный статус и, соответственно, возможность выражения в печати, имеет противостояние. И опять наблюдается сосуществование двух «языков». Поэтому в прессе антидемократического направления многие слова из сферы политики и идеологии могут сохранять свое прежнее советское звучание, а слова, называющие перестроечные концепты, употребляются только пейоративно.

Хочу подчеркнуть, что сейчас чаще можно говорить о процессах, о движении в семантике и не всегда о явных результатах. В настоящее время в русском языке изменения происходят почти так же стремительно, как и в политике. Многое смешалось, перегруппировалось, размылось, но еще не вполне определилось. Возможно, что некоторые (или многие) наблюдаемые сейчас явления в области значений слов окажутся недолговечными, не закрепятся в качестве нормы, но и в этом случае зафиксировать их на определенном этапе развития языка интересно и важно, поскольку каждый этап в развитии языка заслуживает внимания и изучения.

Основные семантические изменения в лексике, так или иначе обусловленные изменениями в общественно-политической жизни, можно определить так:

1. Деактуализация значений, отражающих советские реалии.
2. Деидеологизация лексики.
3. Политизация некоторых групп лексики.
4. Деполитизация некоторых политических терминов.
5. Активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления.
6. Метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации.
7. Разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой.

Деактуализация значений, отражающих советские реалии

Изменения социально-политического устройства общества вызвали деактуализацию многих значений слов, отражавших чисто советские реалии. Приведу лишь отдельные слова, значения которых перестали быть актуальными и уходят в разряд семантических архаизмов.

В связи с концом однопартийности в нашей стране слово *партия* утратило компонент «коммунистическая». Это слово употреблялось без семантического приращения только по отношению к зарубежной

действительности. Ср., например, прежние контексты: Он *член партии* (теперь обязательно — какой); Он *вступил в партию* и т. п. Соответственно изменилась семантическая структура слов *партийный*, *беспартийный*. У слова *беспартийный* актуализируется значение «не состоящий ни в одной из политических партий» и деактуализируется — «не состоящий в партии коммунистов». Разговорное слово *первичка* также освободилось от семантического приращения и стало называть первичную организацию любой партии, ср.: *Создана первичка национал-патриотов* (НГ, 12.03.92). Слово *треугольник* утратило значение «комиссия из главного администратора учреждения, секретаря партийной организации и председателя профсоюзной организации»: *Характеристика должна быть подписана треугольником*. Реже в этом значении употреблялось слово *тройка*¹. Сейчас оно уже встречается в переносном значении (с явным пейоративным компонентом). Ср.: И тогда Е. Яковлев затевает кампанию ликвидации ЦТ. Им и особо приближенными к нему назначаются «тройки», которые составляют списки угодных и негодных (День, 1992, № 49 (77). Еще примеры: *выездной (невыездной)* — «о человеке, которому разрешается (не разрешается) выезд за границу». Ср.: Он был негласно приговорен к иной судьбе — объявлен *невыездным* за то, что во время войны его отец был в плену (Ог., 1991, № 33); Ашкенази был, что называется, *выездным* (С. Довлатов, Не только Бродский); Но достигнув вершины славы, Жан Татлян по-прежнему оставался *невыездным* (КП, 01.10.93); *Невыездные* профессора стали выездными (КП, 05.06.93); На Западе уникальный хирург стал бы миллиардером. Но причастность Филькштейна к целому ряду «дворцовых тайн» сделала его *невыездным* (Ог., 1993, №№ 14—15); Не дергайте Рубцову — будете *невыездная* навсегда; ...я взяла две по ноль семьдесят пять... вроде сувенира, как мне советовали наши *выездные* (А. Галин, Группа).

Аналогично *невыездному* по отношению к произведениям художественной литературы и публицистики употреблялось до 1986 года слово *непроходной* («такой, который не проходит по условиям цензуры»); ср.: Я отнес роман... в журнал «Молодая гвардия» — отказали. Тогда я ринулся в «Юность» — сказали, что *непроходной* (КП, 04.05.90). *Интернационалист* (воин-интернационалист) — «солдат, офицер, сражающийся на чужой территории как бы для выполнения интернационального долга». Сейчас это употребление вытеснено словом *афганец* («тот, кто воевал в Афганистане»). С 1995 г. так начали употреблять слово *чеченец*.

Призывы — «обращения, в краткой форме выражающие руководящую идею, политическое требование; лозунг» (как особый жанр): *Первомайские призывы ЦК*.

Соревноваться — «участвовать в социалистическом соревновании».

Характеристика — «официальный документ, содержащий отзыв, заключение о чьей-либо трудовой и общественной деятельности». *Характеристика с места работы*².

Установка — «принципы, директива, руководящее указание» (в Сл. Ушакова отмечено как новое). Центр дал новые *установки* для составления плана. Ср.: Я боюсь совершенно дискредитированного слова «*установка*», но все же хочу спросить, получили вы что-то подобное от президента... (НГ, 03.03.92).

Очевидно, уходит из употребления глагол *сигнализировать* в значении «доносить». Обычно он употреблялся без адресата или с локальным неопределенным дескриптором — *куда следует*. Реально это значило — в обком или горком, в партком, в органы безопасности. В словарях это значение толковалось как «предупредить», «сообщить о чем-либо нежелательном, что совершилось или может совершиться» (МАС). Соответственно употреблялось и слово *сигнал*: *К нам поступил сигнал*. Ср.: Если еще будут *сигналы* о твоём поведении, поставлю вопрос на бюро (С. Антонов, Новый сотрудник).

В слове *ответственный* «погашено» фразеологически связанное значение, реализовавшееся в сочетаниях — *ответственная работа* (иногда *должность*), *ответственный пост* — «относящийся к высокому уровню руководства» (партийного или правительственного).

В разговорной речи и просторечии мы можем наблюдать прямое воздействие экономики на жизнь слов. За последние 6—7 лет стали исчезать из употребления советизмы, связанные с особенностями советской жизни и торговли. В магазинах появились продукты — и перестают употребляться в просторечии некоторые глаголы со специфически советскими значениями, в частности, глагол *давать* (в формах *дают, давали, будут давать*) в значении «продавать в магазине то, что является дефицитом». Например: *Вчера в нашем магазине мясо давали. Через дорогу масло дают, и народу немного.*

— Вы не видели, там капусту привезли?

— Нет, там за апельсинами очередь, а капусты нет.

— Так она плохая еще, ее брать смысла нет.

— На Ленинградском *давали* молодую, вполне хорошую (В. Сорокин, Очередь).

Перестали встречаться и глаголы *выбросить, выкинуть* (*выбрасывать, выкидывать*) со значением «пустить в продажу». *Мясо на складе залежалось, так его в магазины выбросили. Очередь была большая. У нас в гастрономе иногда колбасу выкидывают, к празднику бывает*

(формы только множественного числа у прошедшего совершенного вида или у настоящего несовершенного).

Но еще продолжают употребляться глаголы *достать* и *стоять* в значениях, порожденных отсутствием необходимых вещей: так, пытаются (кто может) достать лекарства и т. д. Ср. замечание по поводу слова *достать*: Мнимые ценности породили больной «как бы русский» язык, где глагол «достать» означает «приобрести», а не «дотянуться» (ЛГ, 06.03.91). Ср. также: *Я вчера целый час за колбасой стояла* (разговорное семантическое стяжение выражения *стоять в очереди за чем-то*, породившее употребление *стоять за...*). Начало «стояния» обозначается глаголом *встать*: *Иду с работы, смотрю огурцы хорошие и недорогие. Я встала*.

Разумеется, этим не исчерпывается список слов, некоторые значения которых, наряду с лексическими архаизмами типа *субботник*, *воскресник* составляют группу архаизмов-советизмов.

Деидеологизация лексики

В связи с происходящей в стране идеологической переориентацией наблюдается преобразование смысловой структуры слов, так или иначе отражавших прежнюю, «доперестроечную» идеологическую ориентацию. Процесс деидеологизации лексики проявляется в освобождении значений некоторых слов от идеологических смысловых приращений, в частности, в снятии пейоративной окраски, которая была обусловлена восприятием денотата сквозь призму коммунистической идеологии, или, напротив, в появлении неодобрительной или иронической окраски в связи с идеологическими коннотациями. Так, деидеологизируется семантика слова *советолог*. В доперестроечный период оно употреблялось со значением «так называемый специалист по Советскому Союзу, ставивший целью дискредитацию советского строя». В толковых словарях этого слова вообще не было, хотя в прессе оно употреблялось с яркой пейоративной окраской³. Ср.: Известно, что и сегодня в идеологической борьбе против советского образа жизни наши противники широко пользуются демагогией о правах личности и ее свободе, якобы попираемых социалистическим строем. Но что предлагают нам *господа советологи*? (Москва, 1976, № 2); «*Советологи*», как их здесь называют, ...давали советы американским политическим лидерам <...> Оказывается, все *советологи* советуют американским бизнесменам... нести капитализм в сердце коммунизма (Москва, 1976, № 2); Стремясь дискредитировать нашу литературу, *советологи* сосредоточивают основные удары на ее герое, в котором особенно полно выражен жизне-

утверждающий характер коммунистической идеологии (НМ, 1976, № 7); *Хитрые авгуры от советологии* плодят ложь в невиданных размерах (НМ, 1981, № 9); А. Беляев выходит на поединок сразу с тремя *вооруженными до зубов советологами* (НМ, 1981, № 9). Ср. современный контекст: Разрешите спросить вас как *советолога*: не ожидаете ли вы, что процесс дезинтеграции... не остановится на «достигнутом»? (АиФ, 1992 № 4); Стивен Коен, *известный американский советолог*,... в одной из своих книг бросил такую реплику... (Театр, 1990, № 2).

В официальной печати без идеологического приращения стали употребляться слова *бизнес, бизнесмен, конкуренция, миллионер, коммерсант, диссидент, собственник, частник, предприниматель, буржуа* и многие другие. Ср.: ...у «Пролога» есть еще сверхзадача — сформировать слой *собственников, опоры стабилизации* (НМ, 1993, № 3); И это, кстати, одна из сильнейших позиций, где госпредприятия всегда будут проигрывать *частнику* (НМ, 1993, № 12); Только в первый день *частники* — *первое поколение нижегородских буржуа* — закупили самосвалов, бензовозов и бортовых машин на 17 миллионов рублей (НМ, 1993, № 3); Кстати, у судостроителей «Оки»... 85% прибыли съедает жилье. Каким же *буржуйам* нужны такие самоеды (НМ, 1993, № 3); Так что терпят наши *буржуи* наравне с госсектором, только без анестезии дотации (НМ, 1993, № 12).

Некоторые из этих слов, в частности, слово *диссидент*, поменяли (в официальной печати) пейоративную окраску на явно положительную. Ср.: *Мы должны благодарно склонить головы перед миллионами замученных в лагерях диссидентов, гражданское мужество которых приблизило наступление объективно неизбежного периода перестройки* (Рос. газета, 24.01.91).

В то же время однозначно этот процесс определить нельзя. Расслоение в нашем обществе очень велико. В связи с различным отношением к денотатам в прессе разного толка и особенно в бытовой речи перечисленные слова могут содержать отрицательный оценочный компонент. Так, слово *миллионер* у некоторой части населения может звучать как бранное — «человек, наживающий деньги нечестным трудом», почти как *жулик*.

Освобождение слова от идеологических компонентов, превращение его из советизма в обычное слово приводит в определенных случаях к дефразеологизации слов производных, в них актуализируется значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной модели. В числе прочих такие изменения происходят в словах *выдвиженец* и *ликвидатор*. Так, в слове *выдвиженец* деактуализируется

значение «передовой работник (рабочий, колхозник, строитель), выдвинутый на ответственную работу» [МАС, 1982].

Это значение в антикоммунистических кругах еще до перестройки включало компонент негативной оценки. Ср., например: Каким-то чудом он почти с рождения был антисоветчиком и конформистом. Своих родителей называл «*выдвиженцы*»... оба [отец и мать. — О. Е.] в партии с тридцать шестого года. Оба — *выдвиженцы*, слуги режима (С. Довлатов, Компромисс).

В последнее десятилетие в слове *выдвиженец* начинает актуализироваться значение, представляющее собой чистую реализацию словообразовательной структуры: «тот, кого куда-то кто-то выдвинул» («предложил в качестве кандидата к избранию»). Так, во время первых выборов народных депутатов в период перестройки довольно активно было употребление: «Он *чей-то выдвиженец*». Ср. также о прошлом: Они [Ягода и его люди. — О. Е.] никогда не были *выдвиженцами* Сталина, а были *выдвиженцами* Троцкого... (М. Гв., 1992, № 9).

Слово *ликвидатор* в XIX веке употреблялось со значением «тот, кто что-то ликвидирует», но в советское время, в связи с использованием его в работах Ленина для заклеивания политических противников в РСДРП, это значение не было актуальным. Актуализация нефразеологичного исконного значения наблюдается в современных употреблениях — *ликвидаторы последствий Чернобыля*. В то же время в прокоммунистической прессе встречаются случаи актуализации устаревшего ленинского употребления. Ср.: Вообще-то сюжет с *ликвидацией*, а теперь и судом над партией напоминает не такую уж и давнюю охоту... Вот так-то, золотые мои *ликвидаторы*, за которых пали на полях сражений миллионы коммунистов... (М. Гв., 1993, № 7).

Так как наряду с официальной идеологией в определенных кругах всегда существовала и другая, то это не могло не отразиться на языке. Об этом свидетельствуют употребления таких слов, как *авангард* (ироническое обозначение членов КПСС) (разг.), *аппаратчик* со значением «работник партийного аппарата» (пейоративно), *функционер* (отмечено в Сл. Уш. с пометой — нов. загр. — «лицо, выполняющее какие-нибудь определенные функции в общественной организации, аппарате»; в более поздних словарях его нет), *номенклатура*, *ответ. работник* и др. Ср.: Он так весомо говорит, с такой значительностью, физиономия типичного функционера, сразу видно — обкомовец. Она, может быть, даже и интересная женщина, но на ней печать функционерки; Шаблинский давно уже работал в партийной газете. Положение функционера не слишком его тяготило. В нем даже сохранилось какое-то обаяние (С. Довлатов, Компромисс).

**РУССКИЙ ЯЗЫК КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ
(1985—1995)**

Коллективная монография

Ответственный редактор Е.А. Земская

Издатель А.Д. Кошелев

Корректоры Е.Г. Вагина, И.Н. Нечаева

Подписано в печать 22.08.96. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Школьная
Усл. печ. л. 30. Заказ № 275
Тираж 2000.

Издательство: «Языки русской культуры»
129010, Москва, Большая Спасская улица, 6, строение 1.
ЛР № 071304 от 3 июня 1996 г.

Отпечатано с оригинал-макета
во 2-й типографии издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10